

© 1992 г. КРЫСЬКО В.Б.

НЕЛИЧНАЯ ОДУШЕВЛЕННОСТЬ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. В то время как вопрос об истоках категории одушевленности в славянских языках остается до сих пор в значительной мере дискуссионным (см. [1, с. 233—240; 2; 3, с. 10—17]), история этой категории в древнерусском и отдельных восточнославянских языках считается достаточно хорошо изученной. На основе первых фиксаций $V=P^1$ от существительных тех или иных грамматических классов и лексических групп установлена весьма подробная абсолютная и относительная хронология формирования одушевленности [4; 5, с. 15; 6; 7]. Несколько настораживает, правда, то обстоятельство, что мнение о позднем появлении некоторых новых форм ВП базируется главным образом на единичных примерах из классических работ [8—10]. Впрочем, в исследованиях последних десятилетий приводятся сочетания с $V=P$, восходящие и к более ранним эпохам, но, нарушая уже утвердившуюся в науке периодизацию, они нередко интерпретируются как эпизодические отклонения от нормы, не имеющие отношения к становлению рассматриваемой категории (ср. [11, с. 171]).

2. Целью настоящей статьи является введение в научный оборот и анализ обширного древнерусского, материала, вносящего, как мы полагаем, существенные коррективы в традиционное убеждение о позднем распространении $V=P$ ед. ч. в кругу названий животных (XVI в., см. [10, с. 100]). В лингвистической литературе фигурирует приблизительно 20 конструкций, противоречащих общепринятой датировке, т.е. относящихся к XII—XIV вв. [3, с. 92—96; 4, с. 161—162; 10, с. 101; 11, с. 171; 12—14; 15, с. 20]. Нельзя не заметить, однако, что переходящие из работы в работу примеры во многом случайны, так как представляют собой результат отдельных наблюдений, а не целенаправленного обследования всего корпуса древнерусских текстов. Формулируемые вследствие такой неполноты описания выводы не согласуются с данными сравнительной грамматики славянских языков, демонстрирующих практически одинаковое выражение категории одушевленности в ВП ед.ч. [16] и отражающих использование $V=P$ от нелично-одушевленных существительных уже в древнейших памятниках [17, с. 63—65; 18; 19, с. 41, 48, 49; 20; 21, с. 95—96; 22].

Для восстановления истинной картины функционирования $V=P$ от названий животных в древнерусском языке нами были просмотрены все текстовые иллюстрации на данную группу лексики (исключая имена с основами на **a* и **ni*), представленные в Картотеке Словаря древнерусского языка [23] (КСДР), в словаре И.И. Срезневского [24] и Словаре русского языка XI—XVII вв. [25]; полностью исследован ряд памятников, не отраженных либо частично отраженных в [23]².

¹В статье приняты сокращенные обозначения падежей: ИП — именительный, РП — родительный, ДП — дательный, ВП — винительный, $V=P$ — ВП в форме РП, $V=И$ — ВП, равный ИП.

²Сокращенные обозначаются древнерусских источников приводятся по изданию [23, т. I, с. 28—68]. Для памятников, исследованных дополнительно, используются следующие сокращения: ГА — *Историю В.М. Книги временные и образные Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе*. Т. I. Пг., 1920; КЗ — "Книги законные", содер-

Собранный материал, крайним хронологическим пределом которого является середина XV в., включает 640 употреблений В=И и В=Р.

Статистический анализ показывает, что на протяжении древнерусского периода формы В=И отнюдь не безраздельно господствовали над В=Р: если в предположных сочетаниях В=И, действительно, существенно преобладает — 113 примеров против 32 (что естественным образом связано с исконно объектной функцией В=Р), то в конструкциях без предлога В=И в целом засвидетельствовано 287 примерами³, а В=Р — 208, что составляет соответственно 58,0 и 42,0%. Использование В=Р отмечается в источниках с самого начала письменной истории: так, уже в XI в. данная форма представлена 21 контекстом, в XII в. — 19, в XIII в. — 39, в XIV в. — 107, в первой половине XV в. — 54. Хотя количество форм В=И постоянно превышает число генитивно-аккузативных конструкций, очевидно, что многие сочетания с В=И, зафиксированные в позднейших списках с ранних древнерусских сочинений и переводов, на фоне всевозрастающего распространения В=Р должны расцениваться как явление пережиточное, наследие предшествующих этапов языковой эволюции.

3. Богатый материал, предоставляемый древнерусскими текстами, дает возможность проверить релевантность для употребления В=Р различных факторов, которые рассматривались исследователями как благоприятствующие либо, напротив, препятствующие выбору этой формы.

3.1.1. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что В=Р от названий животных встречается в источниках, относящихся ко всем жанрово-стилевым разновидностям древнерусской письменности. Тот факт, что соответствующие конструкции в меньшей степени отражаются деловыми и бытовыми памятниками, едва ли может быть, на наш взгляд, интерпретирован как свидетельство отсутствия подобных сочетаний в народно-разговорной речи.

Во-первых, наиболее древний пример В=Р в грамоте наблюдается достаточно рано — в конце XIII в.: ты княжо тые коне обизрель. и оулюбиль еси одного коня Гр ок. 1300 (2, рижск.). В связи с этим важно отметить, что до середины XIII в. мы располагаем лишь шестью контекстами с бесспорным ВП (В=И) ед. ч. от названий животных в деловой письменности — а именно в берестяных грамотах № 69, 160, 163, 350, 404 и 735. Тем самым конструкция из рижской грамоты оказывается весьма информативной, так как демонстрирует самую первую фиксацию ВП от названия животного в тексте новгородского происхождения. Употребление в этой грамоте после В=Р трех беспредложных В=И [дайте вы мне конь; дали тебе конь; о(т)даи Герлаку конь] подтверждает все еще сохраняющееся преобладание старой формы и вместе с тем указывает на определенную ее лексикализацию.

Пятнадцать примеров В=Р (наряду с 27—В=И) представлено также в древнерусском переводе КЗ, который восходит к XII—XIII вв., но дошел до нас в списке XV в., ср.: Аще кто вола, или осла, или конь, или какую иноую животиноу по невѣданью осподаря его възметь КЗ, 50. Учитывая, что в списках с законодательных источников прослеживается стремление к сохранению языковых особенностей протографа (ср. последовательное сохра-

жающие в себе, в древнерусском переводе, византийские законы земельные, уголовные, брачные и судебные. СПб., 1885; СП — Синайский патерик. М., 1967; УСб — Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. Данные по неопубликованным берестяным грамотам почерпнуты из лекций А.А. Зализняка. Графическая передача иллюстративного материала упрощена.

³В это число не включены формы существительных *зверь* и *скоть* в значениях "дикие звери" и "домашние животные", так как семантика собирательности в принципе препятствовала употреблению В=Р (см. [17, с. 27]), например: в нихъ же суть, храбрыя жены ловити *зверь* крѣпко ЛЛ 1377, 50б.; поймаша по лоугѣ вси кони и *скоть* ЛН XIII—XIV, 128об. (ср. также *гость* в значении "купцы").

нение языковых особенностей протографа (ср. последовательное сохранение В=И в списках "Русской Правды" XIII, XIV и XV в.), можно предположить, что и список КЗ отражает сосуществование двух форм аккузатива не только в XV в., но и в эпоху, когда создавался перевод данного юридического памятника.

Во-вторых, ВП от названий животных вообще встречается в деловой письменности реже, чем в церковно-книжных текстах: соответственно 122 и 440 примеров, в том числе 19 и 203 с В=Р; существенно, что многие архаичные формы повторяются в позднейших списках "Русской Правды" и "Закона судного людям". При большей многочисленности и разнообразии контекстов мы вправе были бы ожидать и большей вариативности В=Р и В=И.

В-третьих, из 103 примеров В=И в деловых памятниках более трети (35) приходится на предложные конструкции, а среди них 14 — на устойчивое сочетание *възъѣсти на конь*, которое, по наблюдению В.И. Борковского, "...переходит без изменения... из грамоты в грамоту" [26, с. 374]. Между тем, как единодушно полагают исследователи, в необъектной позиции распространение В=Р задерживалось.

В-четвертых, деловые тексты отражают ряд однотипных перечислительных конструкций, в которых сохранению старой формы ВП могла способствовать ассоциация с так называемым "именительным перечислением" [27, с. 129], ср.: аще кто *оукрадетъ чинъ песь или ястребъ. или соколъ* РПрМус сп. XIV, 15.

В-пятых, значительная часть В=И от названий животных (32 примера) представлена в рукописях новгородского происхождения, В условиях сохранения архаичных аккузативных форм от существительных со значением лица (*послоу и<а> тя ябътьникъ* ГрБ. № 421) данные конструкции следует расценить как подтверждение мысли К. Мюллера: "...der alte Akkusativ im Nordwesten des Sprachgebietes später aufgegeben wurde" [5, с. 12]. Причина этой задержки кроется, по нашему мнению, в принципиальном отличии declinационной системы древненовгородского диалекта от прочих древнерусских диалектов: то время как на остальной (восточно)славянской территории праславянское совпадение ИП и ВП ед.ч. у одушевленных существительных мужского рода устранялось за счет распространения в роли аккузатива формы генитива, на северо-западе падежи субъекта и объекта в **δ*-склонении различались благодаря утверждению в ИП флексии -е [27, с. 129, 133; 28, 29]. Иными словами, общеславянской оппозиции "неодушевленные masculina — В=И" / "одушевленные masculina — В=Р" в древненовгородском диалекте соответствовало в **δ*-основе бинарное противопоставление ИП на -е и ВП на -ъ, не требовавшее формального разграничения объектных падежей у одушевленных и неодушевленных имен, а в **й*- и **ї*-основах — омонимия ИП и ВП как у неодушевленных, так и у сравнительно немногочисленных одушевленных существительных (ср. вывод П.С. Кузнецова о "нормальности" В=И *сынъ* в новгородских памятниках [30]).

Именно этими грамматическими факторами определяется, на наш взгляд, преобладание В=И у существительных типа *человѣкъ*, *мужь* и т.д., а также отсутствие В=Р типа *коня* в новгородских грамотах XI—XIII вв. Первые примеры В=Р от названий животных отмечаются в берестяных грамотах лишь с XIV в.: а изъ конѣ *поими* моего *цалца* № 266 [27, с. 241]; у мнь *коня* *познали* № 305; *дайте коницка* до видомира № 579. Знаменательно, что в ГрБ № 266 форма на -а характеризует диалектную лексику *чалыць* "чалый конь", к тому же в диалектном фонетическом облике, тогда как ниже фигурирует форма В=И: *поими коне* *корилескы* (ср. [27, с. 199; 3, с. 95—96]). Закономерно предположить, что замена ВП одушевленных существительных на -ъ общерусской формой на -а проходила в новгородском диалекте парал-

тельно с постепенным вытеснением окончания ИП -е нулевым. Но так как еще в XV в. в живой новгородской речи обе флексии ИП несомненно сосуществовали [27, с. 132], столь же бесспорным представляется и вариативное употребление в кругу одушевленных существительных исконной новгородской формы ВП на -ъ (-ѡ) и вытеснявшей ее общерусской формы на -а, которая во всех остальных восточнославянских диалектах к концу древнерусского периода уже безусловно утвердилась в "повседневной речевой практике" [11, с. 169; 26, с. 369; 4, с. 151], ср. выше: *коня познали* — и в то же время: *конь позналъ* у нѣмчина ГрБ № 25.

Таким образом, материал грамот и юридических текстов не дает оснований для заключения об отсутствии В=Р от названий животных в восточнославянских диалектах XI—XIV вв. Более того, использование В=Р в "Книгах законных" XII—XIII вв. и в грамоте XIII в., с одной стороны, и появление генитивно-аккузативных конструкций, ранее не свойственных древне-новгородскому диалекту, в берестяных грамотах XIV—XV вв. — с другой, позволяют утверждать, что по крайней мере в позднерусский период эти формы уже закрепились в живой речи.

3.1.2. В силу того, что наиболее ранние списки летописей относятся к XIII—XIV вв., их материал также не может служить базой для точной хронологизации неличной одушевленности в древнерусском языке. Поскольку же в ЛН XIII—XIV отсутствует не только В=Р, но и В=И от названий животных, за исключением единственного контекста: *зми видѣша лѣтящъ ЛН*, 78, нам приходится довольствоваться сравнительно поздними примерами из ЛЛ 1377 и ЛИ ок. 1425. Эти две летописи предоставляют в распоряжение исследователей 18 конструкций с В=Р (ЛЛ — 8, ЛИ — 10) и 60 — с В=И (ЛЛ — 18, ЛИ — 42). Впрочем, более половины архаичных форм выступают либо в составе устойчивого сочетания *на конь* (26 примеров), либо в сопровождении определения *свои* и обстоятельства *подъ собою*, однозначно указывающих на падеж пациенса — аккузатив (11 примеров). Следовательно, количество позиционно не обусловленных форм В=И в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях лишь незначительно превышает число конструкций с В=Р (соответственно 23 и 18). Нередко летописи демонстрируют параллельное употребление варьировующихся форм, ср.: и *налѣзоша быкъ великъ и силенъ*. и повелѣ *раздраждити быка* ЛЛ 1377, 42об.; кто *имѣ(т) конь* — *всѣдъ на конь* погна... *оувороти коня* направо ЛЛ, 105об. (аналогично — ЛИ ок. 1425, 128—128об.); *повороти коня* Мстиславъ ЛЛ, 114об. — *повороти конь* Мстиславъ. *подъ собою* ЛИ, 170об. В некоторых случаях форма *коня* допускает двоякую интерпретацию; определение ее как В=Р ед.ч., а не ВП мн.ч. обуславливается рядом критериев: а) наличием В=И ед.ч. в других списках и изводах (см. пример из ЛЛ, 114об.); б) контекстом, указывающим на то, что речь идет об одном коне (Берендѣвъ *яша коня* за поводъ рекуше. княже не ѣздъ ЛИ, 198об.); в) противопоставлением формы мн.ч. при упоминании множества всадников форме ед.ч. применительно к одному всаднику и одному коню (ка [так!] еси бытъ оумолвить со мною. и с братомъ моимъ Двѣдомъ. *восьсти на конѣ*... аж еси не *всѣлъ на конь*... абы не *стряпа всѣлъ на коня* ЛИ, 239). Принимая во внимание, что большинство летописных записей, отражающих использование В=Р (16), относится к X—XII вв., правомерно предположить наличие данной формы еще в период создания "Повести временных лет".

3.1.3. Наиболее ранние, многочисленные, позиционно и лексически разнообразные примеры В=Р представлены в оригинальных и переводных памятниках церковно-книжного характера. Генетическая связь многих из этих текстов с южнославянскими источниками наводит на мысль о неисконном, заимствованном статусе В=Р. По мнению П.С. Кузнецова, появление В=Р в церковных памятниках "...может быть объяснено наличием соот-

ветствующей формы на южнославянской и, в первую очередь, на болгарской почве" [10, с. 101]. Действительно, в некоторых болгарских рукописях XIV в. В=Р от названий животных безраздельно господствует, в том числе и в предложных конструкциях, что свидетельствует об усвоении его в среднеболгарском языке до XIV в., ср.: мраморъ снѣгозраченъ вола великорѣбра *въображаетъ и льва назнаменуеть, наскачаща на вола и пижща кръвъ* КМ, 192; А *каджѣи вьлка... пса. коткж. ежа...* да покается лѣ(т) Д. Прав., 145⁴ (ср., однако [21, с. 124, 128]). С другой стороны, в канонических старославянских памятниках X—XI вв., судя по [17, с. 63—65; 19, с. 41; 31], В=Р заметно отстает по своей употребительности от В=И: в то время как старая форма представлена 47 примерами (69,2%), новая — только 21(30,9%). Особого внимания заслуживает тот факт, что большая часть сочетаний с В=Р приходится на "Codex Suprasliensis mit seiner vorwiegend ostbulgarischen Sprache, jener Sprache also, die am meisten von allen südslavischen Sprachen zum Ostslavischen überleitet" [32], ср.: повелѣ бѣсомъ ити и *обратити вьлка съ дѣтиштемъ цѣломъ* Супр., 44; аште *видиши осла врага твоего падыша подь брѣменемъ* Супр., 126. Можно констатировать, что ко времени появления первых письменных памятников на Руси распространение В=Р на южнославянской территории еще не было таким активным и повсеместным, чтобы оказывать решающее влияние на грамматические нормы восточнославянских текстов. Более вероятным представляется допущение о праславянских истоках анализируемой формы, утверждавшейся в отдельных языках и диалектах параллельно, хотя и с разной интенсивностью. Проведенное выше исследование деловых и летописных текстов позволяет предположить, что употребление В=Р в памятниках, переписанных на Руси, но имеющих южнославянские протографы, поддерживалось наличием аналогичных форм в живой восточнославянской речи. Именно столкновением древнерусской речевой стихии, постепенно закреплявшей В=Р как основную аккузативную форму от названий животных, с архаичными нормами канонических текстов старославянского происхождения обуславливается, как мы полагаем, постоянное варьирование В=Р и В=И, засвидетельствованных в памятниках церковно-книжного характера соответственно 203 и 237 примерами, ср.: *видяше овнь оустрьмляющъ ся на нь. и хотяща и рбгы толочи* СП, 103 — и *паки того же видяше овьна. на нь оустрьмляюща ся* СП, 104; *ноя... посла вранъ видѣти аще есть оустоупило воды* Пал 1406, 52—53 — *нон препита врана въ ковчезѣ* Пал 1406, 53а.

На всем протяжении древнерусского периода отмечается также параллельное употребление В=Р и В=И в составе конструкций с определениями и причастными оборотами: *видѣвъ... моисѣи козель пожрена въ бжьи храмнѣ* ПНЧ XIV, 97в; *стратигъ... конь црѣви приведе* Михаилу добля и *яровидима* ГА, 505. Подобные примеры, как и структуры с однородными или параллельными (сравниваемыми) членами в форме именного ВП и в В=Р (*воль бмъ творяхоу... козла же и овцѣ* ГА, 63—64; *повелѣ... жерти и козоу и овна* ПНЧ XIV, 5г), явно указывают на восприятие данных форм как представителей единой граммемы ВП.

Наконец, в памятниках с древнейшей поры наблюдается использование В=Р после предлогов, свидетельствующее о том, что в основной функции ВП — объектной — генитивно-аккузативная форма уже утвердилась: *Яко на аспиду и василииска на тя вступлю* Гр. Наз. XI в. [24, т. I, стб. 31]; *врыгышааго каменьмъ на пьса* КЕ XII, 182а. В этой связи обращает на

⁴Старославянские и среднеболгарские примеры цитируются по изданиям: Супр. — Супрасльски или Ретков сборник. София, 1982—1983; КМ — Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988; Прав. — Смирнов С.И. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чт. ОИДР. 1912. Кн. 3. Отд. 2.

себя внимание конструкция из ПНЧ XIV, 36г: да не въсѣдая боудени на коня и осель без ноужа (ἐπὶ ἵπλοῦς καὶ ἡμίονοις); хотя форма коня соответствует множественному числу греческого оригинала (т.е. в протографе перевода обозначала ВП мн.ч.), в данном списке она, по-видимому, переосмыслена как В=Р ед.ч., что доказывается появлением формы осель, ориентированной не на мн.ч. первоисточника, а на ед.ч. предшествующего существительного. Несколько примеров В=И после предлога зафиксировано в русском Софийской списке сербского перевода "Повести о Варлааме и Иоасафе" [33], включенном в число источников Словаря древнерусского языка; показательно, однако, что при наличии большого количества однородных дополнений с предлогом въ В=И, восходящий, как можно предположить, к сербскому оригиналу и сохраняющийся в начале фразы, затем заменяется закрепившейся в народно-разговорной речи формой В=Р: нѣции оубо о(т) ни(х) въроваху во овень друзнии же в козель. инии же в телець. друзии же в верь. инии же въ врань. и въ крагуи. и в гуна. и во орла. инии же в кор-
 кодила ЖВИ XIV—XV, 102а.

Предложные обороты вообще занимают значительное место среди конструкций с В=И: так, в двух русских житиях из УСб — СкБГ и ЖФП — четыре однотипных сочетания (възсѣсти) на конь противостоят беспредложной форме съвратишь коня ЖФП XII, 60г, а в целом В=И с предлогом представлен в книжно-славянских текстах 52 примерами. В пяти случаях объект в форме В=И сопровождается определением свои, а в 22 контекстах существительные, обозначающие животных, выступают в реифицированном значении, ср.: въсади ю въ мѣдьянъ волю, ражежень и сожже ю ПрЛ XII, 43в — "котел в форме вола, орудие казни"; Паки обретохомъ... дьяконы емлюща бж(с)твными агньць КН 1280, 545а — "часть просфоры" и др. Естественно, что распространение грамматического признака одушевленности в подобных конструкциях могло осуществиться лишь под влиянием неметафорического употребления и при условии упрочения В=Р в прямом значении: скрижали скроуши, и телца потребишь ГА, 98 (ср. Исх. 32, 19—20). Как мы видим, количество позиционно и контекстуально не обусловленных конструкций с В=И в церковно-книжных источниках оказывается даже меньшим, чем количество генитивно-аккузативных форм.

Многочисленные примеры В=Р от 35 существительных—названий животных, наблюдаемые в памятниках религиозного содержания в течение всего древнерусского периода, с несомненностью указывают на то, что тенденция к включению данных лексем в круг одушевленных имен проявилась в рассматриваемую эпоху со всей определенностью: как справедливо отмечал Г.А. Хабургаев, "книжник... мог... нарушить норму лишь в том случае, если она решительно расходилась с его повседневной речевой практикой" [11, с. 78].

3.1.4. Итак, жанровые и стилистические различия древнерусских текстов не могут быть признаны релевантными для распространения нелично-одушевленных форм. Хотя большинство примеров В=Р отмечено в церковно-книжных памятниках, — что вполне закономерно в условиях абсолютного преобладания этого типа источников среди дошедших до нас древнерусских рукописей [3, с. 93], — употребительность данной формы в народно-разговорной речи XI—XIII вв. подтверждается, на наш взгляд, самым фактом значительно более широкого использования В=Р именно в русских текстах по сравнению с его ограниченной фиксацией в южнославянских памятниках того же периода. Относительно более позднее и скудное отражение генитивно-аккузативных конструкций в деловой письменности и летописях объясняется прежде всего экстралингвистическими причинами; однако передавая явления живой речи более непосредственно, эти источники недвусмысленно доказывают, что процесс утверждения В=Р, засвидетельствованный церковно-книжными текстами

еще в то время, от которого до нас не сохранилось ни летописей, ни грамот, носил автохтонный характер.

3.2.1. Обращаясь к семантике нелично-одушевленных имен, следует заметить, что уже в XI в. памятники не обнаруживают сколько-нибудь существенных лексико-семантических ограничений на употребление В=Р. Древнерусский материал не позволяет присоединиться к выводу Х. Виссемана [20] о нескольких стадиях в распространении В=Р среди названий животных: не только обозначения "крупных диких зверей, опасных для человека", но и наименования "взрослых домашних животных и мелких диких животных" встречаются в генитивно-аккузативной форме с самого начала письменной истории, причем многие слова второй группы, например, *быкъ, вольт, конь, осьль* или *льсь*, используют В=Р чаще таких представителей первой группы, как *вълькъ, звѣрь* и *медвѣдь*. В=Р наблюдается также у существительных на *-ьць*, которые, по мнению немецкого ученого, сохраняют старую форму "besonders treu" (ср. [17, с. 65]): *агньць, птьеньць* (впрочем, только в переносном значении: Да *оузьрю си* единочадаго *сѣна* моего, *птьньца* гнѣзда моего Златостр. д. 1200 [24, т. II, стб. 1756]), *тельць, уньць, чальць* — и даже при обозначении насекомого: наставничи слѣпни *цѣжающе комара*. *въльблоу[д]ы* же пожирающе ПНЧ XIV, 30в (ср. в старославянском: *оцѣждаѣщеи мѣшици* ЖМФ 23, 24 Мар [31, 4, с. 176] — *οι διυλίζοντες τὸν κόωντα*).

3.2.2. Исследованные языковые факты вносят значительные коррективы в традиционное суждение о преимущественном использовании В=Р в метафорических, персонифицирующих контекстах. Так, согласно Г.А. Хабургаеву, в канонических и житийных текстах постоянно фигурирует словоформа В=Р *змия* — «... как правило, со значением "дьявол, искуситель" (а также в качестве символа коварства, лживости)» [11, с. 171]. В нашем материале из 37 примеров В=Р от существительного *змии* персонифицированные конструкции представлены в 15 [г(с)ь бѣ нашъ. *оуби змия*. и бывшего в немъ *дьявола* Пал 1406, 38г]; чаще, однако, форма *змия* относится к тем или иным пресмыкающимся, ср.: в ровѣ въвержень бы(с) в нем же бе *змии* Д м(с)ци створи в ровѣ *оукроти змия*. *яко на нь* въскладати ся и почивати Пр 1383, 109 г. В переносном значении спорадически отмечаются и другие названия животных: о горе вамъ *жидове...* *въльци* бысте и *зоубы* изошрени на *агньца божия* УСб, 404; Аще *калоугер*. *ходя на тряпезоу людскоу*. или по браку. то *медвѣдя* и бѣ *наречеть* СбТр XII/XIII, 51; сею бо *кръвию...* *въпиюци къ боу...* на *безаконьнаго стопьлка...* *безглавнаго звѣри* Парем 1271, 258—258об. (В=Р по *ѣ-основе!). В отличие от среднеболгарского перевода КМ, демонстрирующего формы В=Р главным образом в сравнительных конструкциях (гнѣснаго Хозроа *възненавидѣвъше*, *азами крѣпкими сътасажтъ* *многозіажащаго*, *яко кита*, и *яко льва* *ташкосръда*, и *пардоса* *дивіаго* 172), в древнерусских источниках подобные сочетания фиксируются относительно редко, ср.: мечемъ *оувѣкнуша* и... *яко овьна* *нарочита* Пр 1383, 23я-г. На нашъ взгляд, метафорическим и сравнительным оборотам, составляющим в своей совокупности менее четверти (47) от общего числа нелично-одушевленных форм, едва ли принадлежала иницирующая роль в развитии В=Р: ограниченные узким кругом лексем, они образуют скорее периферию рассматриваемого явления, выступая в качестве его вторичной реализации, производной от гораздо более широкого употребления В=Р в прямом, семантически не осложненном значении. Восходящие к А.Мейе [17, с. 27] попытки истолковать форму В=Р от названий животных как средство "грамматического олицетворения" [11, с. 171] встречаются два, как мы полагаем, существенных возражения. Во-первых, в функции прямого дополнения в древних славянских памятниках часто используются и собственно генитивные формы (см. [34]), которые заведомо не имеют отношения к персонификации и служат такими же показателями объекта, как и варьирующие

с ними формы ВП (ср. [3, с. 39, 109]), например: *сѣтвори любѣе* — *сѣтвори съвршеноу любѣи* СП, 256: *срачинѣ богаты сы вельми. и любящие вельми стѣго никола* ЧудН XII, 69в; а кого бѣ поставить князя. а с тѣмъ *мира потвердитъ* Гр 1189—1199 (новг.); *цр(с)кихъ же полать и бѣствноюу цркъвѣ* и *всѣхъ домовъ зажегъ* ГА, 297 и т.д. Но коль скоро мы признаём, что формы собственно РП от неодушевленных существительных не выполняли персонифицирующей функции, правомерно было бы заключить, что и те формы РП, которые употреблялись применительно к названиям животных и вследствие этого переосмысливались как В=Р, тоже изначально отнюдь не обязательно должны были ассоциироваться с персонификацией. Во-вторых, в случае параллельного использования имен существительных, обозначающих соответственно лиц (людей), животных и неодушевленные предметы, последние выражаются формой В=И, тогда как нелично-одушевленные имена — В=Р: *аще же камень вергъ на пса. или древо...* и *погрѣшивъ пса оударитъ члѣка* КР 1284; 1766-в; *въроваху...* и *въ тр(и)пѣска. и въ аспида и друзии в червленныи лу(к).* и *в чеснокъ* ЖВИ XIV—XV, 102а. Думается, что, если бы здесь имело место обобщение формы личного существительного, оно затронуло бы и названия предметов. Таким образом, появление В=Р определяется не аналогическим воздействием со стороны личных существительных, а референциальной однородностью названий людей и животных как одушевленных, живых существ в противоположность неживым предметам, ср. использование фразеологизма *испустити духъ* по отношению ко льву: *абие падъ и вельми рикнувъ испусти дѣхъ* Пр 1383, 5г.

Эта однородность проявляется и в других контекстах: о оунци. *прободше(м) рога(м) члѣ(ка).* или *вола* КР 1284, 259в-г; *оуби льва, оуби же и моужа Егюптянина* ГА, 132; с ИП: а про полонъ. кто кде заточень. или *члѣкъ.* или *конь.* русьскыи. и новгородьскыи. то исправи Гр 1270 (новг.). Существенно, что при сравнении неодушевленного (абстрактного) имени с животным — т.е. при явлении, обратном персонификации, — название животного тем не менее стоит в В=Р, демонстрируя независимость от лично-одушевленных существительных: *акы коня въпрягохъ злую скверну* КТур XII сп. XIV, 229. Наконец, если принять за аксиому известное положение о том, что дополнительным показателем категории лица служила флексия ДП ед.ч. *-ови* [35] (ср., однако [36, с. 7]), то придется констатировать, что и здесь наблюдается совпадение в употреблении лично- и нелично-одушевленных имен, никоим образом не сводящееся к "единичным примерам, обусловленным возможностью олицетворения" [35]: формы на *-ови*, зафиксированные не только у слова *волъ*, исконно относившегося к *й-основе, но и у целого ряда других существительных [36, с. 8, 28—29], в большинстве случаев не обнаруживают никаких признаков персонификации или влияния синтаксически однородных форм от названий людей, например: *николи же ко въпреви* и *ни к медвѣде* [так!] не ждаше слоугъ свои(х). а быша емоу помогли ЛИ ок. 1425, 299 об.; *гричеви* оставшоу на то(м) мѣстѣ ГА, 482; *прилоучитъ волкови его съяти* КЗ, 48.

Важным аргументом в пользу семантико-грамматической общности названий животных и людей представляется одинаковая история форм ВП мн.ч. этих существительных. Общепринятая концепция развития категории одушевленности предполагает весьма позднее распространение В=Р на мн.ч. — не ранее XIII в. ("единичные примеры"), а главным образом на протяжении XIV—XV вв. (женский и средний род — с XVI в.). Что же касается названий животных, то здесь омонимия ВП и РП складывалась, как обычно считается, только в XVII—XVIII вв. [37, с. 60—61]. На самом деле, однако, генитивно-аккузитивные конструкции во мн.ч. неоднократно отмечаются уже в XII—XIII вв., ср.: *егда избѣша егюптянь* СбТр XII/XIII, 120 об.; *князюи роусьскыхъ избѣша* на калѣхъ КН 1280, 575а; *преписахъ... за стѣпо(ч)вишихъ*

князь *рязаньскы(х)* и *прсцны(х)* *еп(с)ть* КР 1284, 402 г; *Соурянь* первый *Палестиянь нарекоша* ГА, 58; *Даниль.. Вила скроуши и змяя оуби коумирь Персьскы(х)* ГА, 190 и др. (см. также [15, с. 22—23; 38, с. 268])⁵. Замечательно, что новая форма ВП наблюдается у существительных как мужского, так и женского рода; это вполне естественно, потому что именно *feminina* *ā-, *ī- и *u-основ ранее других претерпели совпадение ИП и ВП мн.ч. (см. [11, с. 66—67]); ср.: како повелѣни будуть *заступати вдовиць и сиротъ* КР 1284, 37г; законъ бы(с) Персомъ *поимати своцхъ мѣрь и сестрь* ГА, 34; *избиша князя и княгню. и моужи и жены и дѣти. черныца и черноризиць* ЛН XIII—XIV, 122 об.; да пришедше *почтять дѣцери его* СбТр к. XIV, 15 и др. Следовательно, традиционное представление о том, что В=Р появился во мн.ч. сначала у существительных, закрепивших его в ед.ч. [39; 37, с. 60], нуждается в пересмотре. В действительности, как показывают новые факты, формирование омонимии ВП и РП мн.ч. происходило независимо от ед.ч., хотя и было вызвано теми же причинами: генитив начинает использоваться в функции аккузатива по мере и вследствие совпадения ИП и ВП у все новых словоизменительных классов существительных. Поскольку же объединение флексий ИП и ВП мн.ч. тех парадигм, где исторически они не совпадали, началось "достаточно рано" и отражается в памятниках уже с XI в. [11, с. 145, 169], совершенно закономерно и распространение В=Р мн.ч. в такой группе одушевленных существительных, как названия животных, например: *жертвоу собѣ stworилъ* есть. *онѣхъ агныць* *закалаемыхъ въ поустыни на паскоу бѣи* КН 1280, 604б; *Вельфегороу поклонившеся*, иногда же *Валоу и Фамоуза и Сидонию Истарьтиню и Мольхома и Хамоса...* и *несловесныхъ животинъ* ГА, 295 (*προσκυνήσαντες... καὶ ἄλογα ζῷα*); *толицѣхъ и таковыхъ змиевъ побѣдиша* ФСт XIV, 160б; *конь дику(х)* *своима рукама связалъ есмь* ЛЛ 1377, 82об.; и *нонѣ даишь конии* и *сѣмяна* ГрБ № 353 (ср., впрочем [27, с. 203]); *побѣгоша хватаючи конци* ЛИ ок. 1425, 97; *доя овецъ или коровъ* втаи осподаря своего КЗ, 50 и т.д.

Именно с одушевленностью животных связано их нередкое функционирование как *dramatis personae* в житиях (а также в фольклоре, см. [11, с. 171]) и даже их "антропоморфизация": *лъвъ же ицѣлѣвъ не о(т)ступи о(т) него. яко оучѣкъ ѡслѣдъ его хожаше* Пр 1383, 14в; да ту *змии ста(в)на* на опаць своемъ. и *на(ч) глѣти яко члѣкъ* СбПаис XIV/XV, 164об. Однако употребление различных форм прямого объекта не зависит от активности, "человекоподобности" либо, напротив, пассивности животного: в первом случае возможен В=И, во втором — В=Р. ср.: *егда изидеши из манастиря. и оузьриши орьль. и амо же тя ведеть иди по немъ* УСб, 46б; *падъ дерево и оубиеть вола или осла* КЗ, 51. В большинстве контекстов выбор формы ВП осуществляется безотносительно к роли животного в описываемых событиях.

3.2.3. Ввиду широкого распространения В=Р от нелично-одушевленных существительных нет, по-видимому, необходимости объяснять его и влиянием антропонимов типа *Быкъ* [11, с. 171—172], засвидетельствованных в нашем материале весьма немногочисленными примерами (и тогда *оубиша*. Половецкого князя. *Козла* Сотановича ЛИ ок. 1425, 219; *постави...* Василия глѣмага *Кокота*, патриkiemъ ГА, 571): скорее можно предположить, что именно упоминавшаяся референциальная близость названий людей и животных способствовала использованию последних в роли имен собственных (прозвищ). В данном аспекте заслуживает внимания пример из ГрБ № 124: *пришлите* мн. паро-

⁵Несколько ранних примеров В=Р мн.ч. впервые были отмечены в неопубликованном докладе С.И. Иордания на Аванесовских чтениях 1987 г. "К истории формирования категории одушевленности-неодушевленности в восточнославянских языках".

боко *борана*. или уду "Пришлите мне слугу — Барана или Уду" [27, с. 167]. Тот факт, что имя нарицательное *паробъкъ* стоит здесь в В=И, между тем как собственное имя, образованное от названия животного, — в В=Р, не может, по нашему мнению, служить аргументом в пользу неодушевленности самого слова *боранъ*. В условиях свободного варьирования обеих форм ВП, еще сохранявшегося у многих существительных — тем более в новгородском диалекте — в XIV—XV вв., наличие формы *паробоко* не исключает существования В=Р *борана* в собственно "анимальном" значении, ср.: Аще кый холопъ *зарѣжетъ* волю, или *борана* КЗ, 52. Параллельное употребление В=И от личных существительных и В=Р от названий животных неоднократно наблюдается в одном и том же памятнике: *имаши ѿъ помощники* УСб, 465 — и тогда *поустиши* на нь *льва* Там же, 228; *даи* намъ *снѣ твои* ЛИ ок. 1425, 114 — Берендѣвъ же *яша коня* княжа за поводи ЛИ, 199. В том случае, если бы такие функционально и семантически вторичные образования, как личные имена, действительно играли роль в распространении В=Р, эта форма должна была бы утвердиться и среди существительных иных лексико-семантических групп, также приобретавших в функции прозвищ свойственную антропонимам мужского рода генитивно-аккузативную форму объекта (ср.: *роди Всеволода великог(о) гнѣзда* [40, с. 223]; и *посла* и Володимеръ *передъ собою Вольчя Хаоста* [11, с. 172]). Не вызывает сомнений, однако, что В=Р закрепляется лишь за денотативно одушевленными существительными, к числу которых в древнерусском языке отнеслись и названия животных.

3.2.4. Собранный материал предоставляет возможность верифицировать применительно к названиям животных сформулированное А. Мейе на примере существительного *рабъ* в старославянском переводе Евангелия правило о преимущественном использовании В=Р для выражения определенного объекта в соответствии с греческими членными формами [17, с. 59—60]. Сопоставительный анализ 230 конструкций с ВП от названий животных, для которых мы располагаем греческими параллелями, не дает оснований однозначно соотносить членные формы оригинала с В=Р, а нечленные — с В=И. Из 132 примеров В=Р 66 (50%) соответствуют существительным с артиклем (дьяволе имя *оуби быка* ГА, 338 — ἐφόνευσε τὸν ταῦρον), однако в 48 случаях (36,4%) греческие тексты содержат нечленные формы (*посла. лва* превелика и страшна ПНЧ 1296, 145 — ἀπέστειλε λέοντα). С другой стороны, среди 98 контекстов с В=И 49 (50%) передают нечленные формы оригинала (Аще кто *вепрь запретъ*, или *песь чужии* КЗ, 54 — Ἐάν τις χοῖρον ἐκκλείσῃ ἢ κύνα), но в 28 примерах (28,6%) винительным-именительным переводятся имена с артиклем (по чьто *въвели есте съде овнь съ* СП, 103—104 — εἰσηνέγκατε τὸν κριὸν τοῦτον). Аккузативная форма славянского существительного может употребляться для перевода греческого местоимения (*въскришу быка* ГА, 338 — ἀναστήσω αὐτόν), а также различных неаккузативных конструкций, ср.: да *приведоу[тъ]быкъ* неемъ ГА, 337 — ἐνεχθήτω ταῦρος κύριος (ИП при пассиве); чужего *мса оударить* ножемъ КЗ, 59 — δώσῃ τῇ ἄλλοτρίῳ μετὰ ξίφους (ДП объекта); всю тшетоу *оубивыи пса* подастъ КЗ, 59 — πᾶσαν τὴν ζῆμιν ὁ φονεύσας δίδωτο (глагол без объекта). В ряде примеров В=Р и В=И используются для передачи первой части греческих композитов или корневой морфемы отсубстантивных глаголов, ср.: *телець stworishе* ГА, 295 — μοσχολοιήσαντες; видѣвъ его *оумаляющася*. и яко *трепастка* ся *творяща* ФСт XIV, 22в-г — πιδηκιοῦντα. Наиболее ярко отсутствие непосредственной связи между выражением определенности в греческом и выбором В=И либо В=Р в славянском проявляется в конструкции: ли *волка зла въ ц(с)ркуюю власть въведе* ГА, 491, обязанной своим возникновением неверному пониманию греческого языка. Местоимение ἡλίκον (какόν) "какое (зло)" было воспринято переводчиком как ἢ λύκον "или волка"

(эти формы, омофоничные в среднегреческом, могли быть смешаны еще в византийских списках "Хроники" [41]) и — без какого-либо влияния со стороны греческого — передано формой В=Р *волка* (такому "истолкованию", возможно, способствовало наличие слова *звѣрь* в предыдущем предложении).

Впрочем, в некоторых случаях варьирование В=И и В=Р действительно может быть объяснено различием между неопределенным (неизвестным, впервые упоминаемым) и определенным (известным) объектом. Так, в цитирувавшемся уже контексте из ЛЛ 1377, 42об. существительное *быкъ* при первом упоминании данного конкретного быка поставлено в В=И (нѣту ли быка быка [так!] велика и силна. и *нальзоша быкъ великъ и силенъ*), при последующих — в В=Р. Аналогичные ситуации встречаются и в других памятниках: да *коупять осьль* [какого-нибудь — *δυνω*] въ потребу себѣ. и *свободять* о(т) таковыя работы *льва* [данного, известного — *τὸν λέοντα*] СП, 185. Однако нередкие отклонения от указанной закономерности (например, появление В=И после В=Р применительно к уже упоминавшемуся объекту: вельблудынькъ же иже бѣ *осьла поялъ*. идяше пакы... *имы осьль съ собою...* *львъ же познавъ осьль* тече къ нему СП, 185 [в греческом постоянно *τὸν δυνω*]; употребление В=Р по отношению к объекту, упоминаемому впервые: *обрѣте пса* [кѹна] ГА, 252 — или к объекту неконкретному, неопределенному: *звѣрь* есть.. *могьи слона пожрети* цѣла [ἐλέφαντα] ГА, 49) не позволяют связывать распространение В=Р от названий животных исключительно со значением определенности. Допустимо предположить, что первоначально безразличное употребление ВП и РП как "факультативных вариантов" объектной синтаксемы [42, 43], оставившее многочисленные рефлексy в славянских языках, еще в праславянский период, в связи с возникшей в результате изменений конца слова необходимостью дифференцировать совпавшие формы ИП и ВП мужского рода, было ограничено конситуативно обусловленным варьированием. В первую очередь, по-видимому, генитивная форма, переосмысляемая как аккузатив, стала использоваться в качестве формы прямого объекта, противопоставленной В=И, в контекстах, требующих "индивидуализации" [40, с. 222], "указания на конкретный уникальный предмет" [44], т.е. у имен собственных и у других индивидуально соотносесенных обозначений — иными словами, прежде всего при определенных одушевленных объектах. Несомненно, однако, что эта первоначальная семантическая оппозиция В=Р и В=И, реконструируемая на основе абсолютного преобладания генитивно-аккузативной формы у антропонимов, а также предпочтительного употребления ее для выражения определенного, известного, индивидуализированного объекта, в древнерусском языке никогда не выдерживалась последовательно. Очевидно, еще в праславянский период она была оттеснена более существенным семантическим противопоставлением, восходящим к общеиндоевропейской эпохе и предполагающим грамматическую дифференциацию активно-одушевленных и неактивно-одушевленных имен (см. 4.3).

3.2.5. Таким образом, семантика нелично-одушевленных существительных не играла принципиальной роли в утверждении В=Р: ни физические и функциональные различия между отдельными животными, ни грамматическое олицетворение, ни выражение определенности-неопределенности не оказывали решающего воздействия на выбор старой либо новой формы прямого объекта.

3.3.1. Сталкиваясь с употреблением В=Р, не укладывающимся в стройную схему поэтапного развития одушевленности, исследователи нередко интерпретировали подобные формы как собственно родительный, управляемый глаголами, которые требуют именно генитивного дополнения (см. [17, с. 25—27, 156—161; 15, с. 20]), типа *попытаиша ми коня* ГрБ № 422. Для выяснения вопроса о том, насколько управление РП было присуще тому или иному глаголу, важнейшее значение имеет частотность бесспорно генитивных конструкций с существительными, у которых отсутствует особая форма ВП,

омонимичная РП, — т.е. с именами неодушевленными, именами **ā*-основы и т.п. С этой точки зрения нами были проанализированы все глаголы, сочетающиеся с *В=Р* от названий животных. Заметное место среди них занимает *видѣти* (32 примера), который еще А.И. Соболевским был включен в число глаголов, "сочиняющихся и с род., и с вин. п." [8, с. 198—199]. Ряд примеров генитивного управления при *видѣти* засвидетельствован А. Мейе в старославянском языке [17, с. 158—159], но в свете новейших разысканий они оцениваются как "ephemeral phenomenon" [3, с. 38]. К сожалению, мы не имели возможности произвести подсчет генитивных и аккузативных форм при *видѣти* по КСДР, содержащей около 6000 цитат с данной лексемой, и вынуждены были ограничиться двумя источниками — словарной статьей ВИДѢТИ в [23] и (частично) "Успенским сборником". Из более чем 100 объектных конструкций, приведенных в словаре, 98 демонстрируют несомненную форму ВП и лишь в четырех объект выражен РП. В УСб по словоуказателю были просмотрены все контексты со словоформами *видѣти*, *видѣль*, *видѣла*, *видѣли*, *видѣхъ*, *видѣ* (246 конструкций), но ни в одном примере собственно РП не зафиксирован. В других памятниках РП отмечается sporadически на фоне массового употребления ВП, иногда даже в одной фразе, ср.: *видя многуо поустыню* и *ноужную смѣть* и *погыбѣшихъ телесъ* ГА, 56. Можно определенно утверждать, что в древнерусском языке РП при *видѣти* не представлял собой сколько-нибудь регулярной формы управления (ср. [3, с. 35—38]), и появление его наряду с ВП в немногочисленных контекстуально и позиционно не обусловленных конструкциях следует расценивать как отражение значительной функционально-семантической близости обеих форм, допускавшей факультативное использование генитива практически при любом транзитивном глаголе. Прочие глаголы, сочетающиеся с *В=Р* названий животных, также характеризуются аккузативным управлением и не влияют на форму неличного одушевленного объекта.

3.3.2. Среди факторов, содействовавших распространению *В=Р*, некоторые авторы указывали совершенный вид глагола и наличие приставки [4, с. 148, 162; 10, с. 97, 101; 38, с. 270]. Наш материал подтверждает скорее точку зрения А.В. Исаченко, "решительно отвергнувшего" данное предположение [45]. Хотя общее число имперфективных и нехарактеризованных по виду глаголов (см. [46, с. 162—163]), встречающихся в соединении с *В=Р* (29), уступает количеству лексем, для которых в древнерусском языке с большей или меньшей степенью уверенности устанавливается значение совершенного вида (58), преобладание перфективов достигается в первую очередь за счет разнообразных префиксальных дериватов, составлявших, как известно, "самую многочисленную группу глагольной лексики" [46, с. 163], — однако удельный вес приставочных глаголов не менее велик и в сочетаниях с *В=И*.

Исследованные источники не дают оснований согласиться с выводом Э.Кленин о существовании "strong positive correlation" между использованием *В=Р* и неспрягаемыми либо императивными формами глагола [3, с. 94, 96]: среди беспредложных глагольных конструкций с *В=Р* причастия зафиксированы в 53, инфинитив — в 11, а повелительное наклонение — в 5 случаях (соответственно 25,5, 5,3 и 2,4% от общего числа примеров), тогда как на индикативные формы настоящего-будущего и прошедших времен приходится гсрп. 45 и 94 словоупотребления (21,6 и 45,2%). Отсутствие строгих закономерностей в сочетаемости различных глагольных форм с *В=Р*, как и с *В=И*, доказывает нерелевантность морфологических признаков глагола для управляемого им существительного.

4.1. Итак, названия животных обнаруживают в древнерусском языке, вопреки традиционным представлениям, значительную вариативность аккузативных форм. В течение четырех веков *В=Р* демонстрирует немногим меньшую распространенность, чем *В=И*. Лексическое многообразие глагольно-имен-

ных сочетаний с $V=P$, наблюдаемых в древнейших памятниках церковно-книжной письменности, деловых текстах и летописях, независимость этих форм от семантических и грамматических условий побуждают нас заключить, что употребление $V=P$ от названий животных было присуще восточнославянской речи еще в дописьменный период. Более того — использование аналогичных конструкций в ранних памятниках других славянских языков позволяет возводить возникновение $V=P$ в рассматриваемой группе существительных к праславянской эпохе. Учитывая многие факты, свидетельствующие о референциальной однородности названий людей и животных — "настоящих живых производителей действия", следует, очевидно, признать справедливое мнение А.И. Томсона: "...когда родительный-винительный явился в языке, названия животных стали также пользоваться им" [1, с. 259].

4.2. Семантическое и грамматическое объединение названий людей и животных, противоречащее канонам славистики, получает весомую поддержку на индоевропейской почве: согласно современным семасиологическим теориям, для общиндоевропейского языка было характерно «деление класса "всего живого" на подклассы 'животного' и 'растительного' мира по семантическому признаку 'одушевленности' ~ 'неодушевленности'», противопоставлявшему наименования животных, человека и богов названиям растений. «Животные, как и человек, мыслятся как существа, наделенные 'духом', способностью 'дышать'» [47, с. 467, 466]. В свете сравнительно-исторических данных славянская тенденция к дифференциации субъектной и объектной форм у одушевленных существительных выступает как продолжение или, точнее, "возрождение на новом основании" [48, с. 131] древнейшего разделения «всего множества, имен на "активный" и "пассивный" классы», которое преобразилось "в исторических диалектах в родовую грамматическую классификацию" с противопоставлением общего, одушевленного (позднее мужского и женского) рода, различающего формы номинатива и аккузатива, среднему (неодушевленному) роду, имеющему единую форму именительного-винительного [47, с. 467, 280, 277]. Это противопоставление, представляющееся "внутренним предрасположением, заложенным в самой системе грамматических родов" [48, с. 152], после известных праславянских изменений конца слова было нарушено у существительных с основами на **ǫ*, **ǫj*, **ǫj*, а также у соотносящихся с ними местоимений типа *тъ*, *сь*, *онъ* и прилагательных типа *добръ*, *добрыи*, между тем как у других имен мужского и женского рода ИП и ВП по-прежнему различались. Поскольку, однако, родовая классификация служит главным фактором, определяющим развитие именных парадигм [49], существительные, подвергшиеся изменениям, "регенерировали" [48, с. 114] исконное различие аккузатива и номинатива, используя для этого чрезвычайную функционально-семантическую близость славянских винительного и родительного падежей. Естественно, что в наибольшей степени "реставрационная инновация" [48, с. 139] затронула те существительные, которые в семантическом плане более всего отличались от имен среднего рода, — а именно существительные денотативно одушевленные. Тем самым имплицитное семантическое различие вторично получило грамматическое выражение.

4.3. Установив общие истоки $V=P$ у названий людей и животных, мы не можем оставить без внимания тот факт, что вытеснение старой формы аккузатива протекало у нелично-одушевленных существительных более медленно, чем, например, у имен собственных или нарицательных типа *богъ*, *отць* и т.п. Вместе с тем процесс закрепления $V=P$ в анализируемой группе обнаруживает определенный параллелизм с именами типа *сынъ*, *отрокъ* или *холопъ* (ср. [1, с. 259; 10, с. 94—95; 17, с. 59—63]): так, тот же *холопъ* засвидетельствован в древнерусских текстах (по КСДР) 12 формами беспредложного $V=I$ и 11 — $V=P$ (52,2 и 47,8%), т.е. характеризуется — *si licet parva componere magnis* — примерно таким же соотношением старых

и новых форм, что и названия животных (58,0 и 42,0%). По нашему мнению, подобное грамматическое обособление животных и "социально неполноправных" людей связано со свойственным еще общеиндоевропейской эпохе объединением несвободных или зависимых в широком смысле слова людей и домашних животных [47, с. 477], которое распространилось и на названия диких животных (ср.: с СП историю о льве, служившем преподобному Герасиму). Знаменательно, что форма В=Р постоянно появляется в тех контекстах, где животные выполняют относительно активную (каузиривно активную) функцию прислуживания, повиновения человеку, аналогичную функциям зависимых людей, ср.: и есть *видѣти осыла въиноу* [въ]сходяща и слоучаща старьцемъ СП, 257; приде... коузнєць... *имѣя грича*... иже, повелѣваемыи коузнєце(м), творяше чудеса велія ГА, 421. Следовательно, объединяясь с наименованиями людей в класс одушевленных существительных, использующих форму РП в роли ВП, названия животных в пределах этого класса сближались с названиями зависимых людей, образуя подкласс "неактивных" (точнее, ограниченно активных) существительных. Основное грамматическое отличие "неактивных" от "активных" — меньшая регулярность в употреблении В=Р — объясняется, надо полагать, в первую очередь причинами прагматического порядка — более частым функционированием данных имен в роли объекта, нежели субъекта, и как результат — отсутствием необходимости в постоянной и последовательной дифференциации форм номинатива и аккузатива. (В то же время трудно согласиться с И. Дитце, утверждающим, что "im Normalfall" животные не могли выступать как субъекты при названиях людей в роли прямого объекта [38, с. 272]; контексты типа: *олень мя одинъ боля*. а *въ* лоси одинъ ногами топталъ. а другии рогама боля ЛЛ 1377, 82об.—83 — описывают, как представляется, достаточно обычные ситуации.) Семантико-грамматическая общность названий животных и зависимых людей (особенно женщин, а также существительных *дѣти* и *люди* в значении "народ, подданные; зависимые лица")⁶ реализуется также во мн.ч., где форма В=Р, закономерно возникшая после совпадения ИП и ВП, получила устойчивое закрепление — насколько позволяют судить имеющиеся исследования — лишь к концу среднерусского периода, вслед за повсеместным упрочением В=Р ед.ч. типа *коня* (ср.: [3, с. 92; 11, с. 170, 172—174]).

Наконец, внутри неактивного подкласса названия животных обладали еще одним "отрицательным" признаком, который, по-видимому, утверждался в языковом сознании славян после христианизации, — "неодушевленностью" в узком смысле, обусловленной отсутствием у их денотатов бессмертной души (ср. характерный вопрос А.В. Исаченко в связи с отношением названий животных к "Kategorie der Beseeltheit": "haben Tiere eine Seele?" [45]). В этом аспекте весьма показателен следующий фрагмент из СП. Описав преданную службу льва авве Герасиму и его неутешное горе на могиле монаха, книжник замечает: се же въсе бысть. *не яко дитѣ словесноу имѣюща*. нъ яко боу хотящю. славящимъ его прославити 187. Именно последним различием личных и неличных неактивно-одушевленных имен определяется, на наш взгляд, почти полное отсутствие В=Р от названий животных в канонических текстах, за исключением метафорических конструкций типа *видитъ вълака грядуща* ЕвМст до 1117, 164г.

Таким образом, период формирования категории одушевленности в славянских языках, связанный с утверждением В=Р ед.ч. у существительных мужского рода, обозначающих живых существ, должен датироваться длительным временным отрезком — от праславянской эпохи до XIII—XVI вв. В рамках этого периода выделяются два этапа. Первый из них заверша-

⁶ Ср.: "В кельтских сагах дается последовательность *воины — женщины — псы — слуги*" [47, с. 470].

ется, — еще до появления славянской письменности — устранением вариативности В=Р и В=И у активно-одушевленных существительных (вначале, вероятно, у индивидуально соотнесенных, затем — у всех остальных). На втором этапе, крайняя хронологическая граница которого по отдельным языкам колеблется (ср. [50]), формы В=И у неактивно-одушевленных существительных (наименований зависимых людей и животных), сохраняясь в архаизированных по языку текстах и в составе стандартных формул, в живой речи окончательно уступают место конкурировавшим с ними на протяжении едва ли не тысячелетия формам В=Р.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Томсон А.И. Родительный-винительный падеж при названиях живых существ в славянских языках // ИОРЯС. 1908. Т. XIII. Кн. 2.
2. Сятковский С. Проблемы за генезиса на славянския родително-винителен падеж // Език и литература. 1972. № 2.
3. Klenin E. Animacy in Russian: A New interpretation. Columbus (Ohio), 1983.
4. Кедайтене Е.И. Развитие форм родительного-винительного падежа и употребление старых форм винительного от названий лиц и одушевленных предметов в древнерусском языке (на материале памятников XII—XIV вв.) // Уч. зап. Вильнюс. ун-та. 1957. XIII. Сер. ист.-филол. наук. Т. III.
5. Müller K. Die Beseeltheit in der Grammatik der russischen Sprache der Gegenwart und ihre historische Entwicklung. B., 1965.
6. Kiparsky V. Russische historische Grammatik. Bd II: Die Entwicklung des Formensystems. Heidelberg, 1967. S. 259—264.
7. Grannes A. Impersonal animacy in 18-th century Russian // RLing. 1984. V. 8. P. 296.
8. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
9. Unbegaun B. La langue russe au XVIe siècle (1500—1550). I: La flexion des noms. P., 1935.
10. Кузнецов П.С. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.
11. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
12. Frink O. Genitive-accusative in the Laurentian Primary Chronicle // The Slavic and East European Journal. 1962. V. 6. No. 2. P. 134.
13. Історія української мови. Морфологія. Київ, 1978. С. 70—71.
14. Мадоян В.В. Категория одушевленности имен существительных в древнерусском языке (на материале памятников Северо-Западной Руси): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. С. 13.
15. Hock W. Das Nominalsystem im Uspenskij Sbornik. München, 1986.
16. Bräuer H. Slavische Sprachwissenschaft. III: Formenlehre. 2. T. B., 1969. S. 148—152.
17. Meillet A. Recherches sur l'emploi du génitif-accusatif en vieux-slave. P., 1897.
18. Bañan A. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 206.
19. Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. T. V: La syntaxe. P., 1977.
20. Wissemann H. Die Scheidung zwischen Belebtem und Leblosem im Slawischen // KZ. 1956. Bd 73. S. 138—139.
21. Чешко Е.В. История болгарского склонения. М., 1970.
22. Болек А. Становление категории одушевленности (на материале Синайского патерика, Успенского сборника и Русской правды): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. С. 14.
23. Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв. Т. I—IV. М., 1988—1991.
24. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Т. I—III. Репринт. изд. М., 1989.
25. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. I—17. М., 1975—1991.
26. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.
27. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951—1983 гг.). М., 1986.
28. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М., 1953. С. 186.
29. Vermeer W. The mysterious North Russian nominative singular ending -e and the problem of the reflex of Proto-Indo-European *-os in Slavic // Die Welt der Slaven. 1991. Jg. XXXVI (N.F. XV), 1 + 2.
30. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 209.
31. Slovník jazyka staroslověnského = Lexicon linguae palaeoslovenicae. 1—42. Praha, 1958—1989.
32. Aitzetmüller R. Altbulgarische Grammatik als Einführung in die slavische Sprachwissenschaft. Freiburg i. Br., 1978. S. 20.
33. Повесть о Варлааме и Иоасафе. Л., 1985. С. 108.
34. Lévisier J. Du génitif-accusatif inanimé en vieux-slave // RÉS. 1964. T. XL.

35. Марков В.М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974. М. 23.
36. Шульга М.В. Парадигма типа *медь* в древнерусской письменности // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978.
37. Шульга М.В. Об эволюции русской падежной системы // Имя и глагол в исторической перспективе. Рига, 1991.
38. Dietze J. Die Entwicklung der altrussischen Kategorie der Beseeltheit im 13. und 14. Jahrhundert // ZSl. 1973. Bd XVIII (2).
39. Мадоян В.В. История категории одушевленности в русском языке // ФН. 1986. № 1. С. 52.
40. Шахматов А.А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
41. Истрин В.М. Книги временные и образные Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. II. Пг., 1922. С. 155—156.
42. Мухин А.М. Функциональный анализ синтаксических элементов. М.; Л., 1964. С. 262.
43. Станишева Д. С. Винительный падеж в восточнославянских языках. София, 1966. С. 18.
44. Жолобов О.Ф. Лексико-семантические и грамматические факторы в истории слова (на материале имен существительных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988. С. 11.
45. Isvatschenko A. Geschichte der russischen Sprache. 2. Bd. Das 17. und 18. Jahrhundert. Heidelberg, 1983. S. 415.
46. Силина В.Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.
47. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I—II. Тбилиси, 1984.
48. Ельмслев Л. О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
49. Норданиди С.И., Шульга М.В. Морфологическое выражение категории рода в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М., 1984. С. 196.
50. Laskowski R. The development of the category of gender in the Slavic languages // Linguistics across historical and geographical boundaries. V. 1. Berlin; New York; Amsterdam, 1986. P. 464.